

М.Н. Загоскин о речевых вкусах современников

© Г. В. СУДАКОВ,
доктор филологических наук

М.Н. Загоскин (1789–1852) – один из авторов, во многом забытых сегодня, но известных и даже влиятельных в XIX веке. Известность Загоскина основывалась на авторстве 29 томов романов, повестей, рассказов и комедий, самые популярные его произведения: “Юрий Милославский” (1823), “Рославлев”, “Аскольдова могила” (1833). Влиятельность Загоскина обеспечивалась статусом члена Русского отделения императорской Академии наук (1832) и должностью председателя Общества любителей российской словесности при Московском университете, которую он исполнял в 1833–1836 годах.

В данном материале попытаемся выяснить, как М.Н. Загоскин, академик и председатель Общества любителей российской словесности, оценивал языковую ситуацию своего времени, что считал основой лексикона эпохи, как понимал его состав.

В творческой юности М.Н. Загоскин – безусловный шишковист, архаист, славянофил. Уже в первой своей пьесе “Комедия против комедии, или Урок волокитам” (1815) он поддерживал А.А. Шаховского в его борьбе с карамзинистами. Со временем смягчались и взгляды “правоверных” архаистов. Для примера приведем ироническое замечание самого Загоскина о *славяномании*: “Николай Степанович очень добрый, умный и образованный человек, но у него есть одна слабость, впрочем самая невинная и безгрешная: он видит везде славян, находит во всех древних языках сходство с славянским языком... ему первому пришла в голову догадка, что царя Менелая прозвали этим именем, потому что он со всеми ругался и что ему часто говорили: мене лай! Несмотря, однако ж, на эту странную *славяноманию*, он человек истинно ученый” (см.: М.Н. Загоскин. Москва и москвичи: Записки Богдана Ильича Бельского. М., 1988. Биографию Загоскина см.: Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2).

Лингвистические, преимущественно лексикологические замечания находим во многих текстах писателя. Он оценивал речевые увлечения современников и разъяснял лексические новации, при этом применял разнообразные формы выражения своего отношения к языковым новшествам: курсивное выделение нового словоупотребления, авторский комментарий, замечания о слове непосредственно в тексте, специальный очерк об особенностях словаря эпохи. Его на-

блюдения над словоупотреблением того времени обстоятельны и разносторонни, а характеристики слова часто более подробны, чем в словаре В.И. Даля. Однако не всё замеченное и предложенное Загоскиным было учтено в современной ему и в нынешней лексикографии.

В связи с этим обратим внимание на цикл очерков писателя “Москва и москвичи”. Строго говоря, это не бытовые, не этнографические очерки в духе “натуральной школы”. Это культурологические материалы писателя. Но выбор жанра очерка, конечно, связан с общекультурной традицией эпохи.

Цикл “Москва и москвичи” состоит из четырех “выходов” (выпусков), которые издавались в течение 1842–1850 годов. В составе цикла сцены из домашней и общественной московской жизни: описание балов, народных гуляний, клубов, литературных вечеров, свадеб, характеристика транспортных средств, рассказ о гостиницах, фабриках, магазинах, карточных играх, театральных представлениях, содержание бульварных разговоров и городские слухи, практика нанесения визитов и гостевания.

Пафос заметок М.Н. Загоскина в какой-то мере выражает дважды повторенный им в очерках эпиграф из Грибоедова: “Воскреснем ли когда от чужевластья мод, Чтоб умный, добрый наш народ, Хотя по языку, нас не считал за немцев” (“Московский старожил”; “Письмо из Арзамаса”). Но содержание лингвистических замечаний писателя гораздо шире этого тезиса. Рассмотрим подробнее его оценки языковой ситуации и речевых обычаев, литературно-языковой моды эпохи, его внимание к лексическим новациям и национальной фразеологии, свободное обращение с просторечием и жаргонной лексикой, оценим отношение писателя к заимствованиям.

Языковые идеалы М.Н. Загоскина основывались не столько на почитании прошлого, сколько на обычаях и приемах живой, современной ему русской речи, что справедливо отмечал С.Т. Аксаков: “Будучи по преимуществу русским человеком в складе своего ума и речи, нередко простым и метким словом обличал он запутанность отвлеченного предмета, о котором шел спор” (“Биография Михаила Николаевича Загоскина”); “Чтобы задумать и заговорить вполне русским человеком, ему не нужно подслушивать, как думает и говорит русский народ: ему стоит только заговорить самому” (Там же). М.А. Дмитриев, племянник известного поэта И.И. Дмитриева, вспоминал о Загоскине: “У него было множество шуток и поговорок, которые я от него только и слышал. Вот главнейшие: “Ткни его пятым пальцем под девятое ребро!”, “Проглочу, да не высру, без вести пропадешь!”, “Завалился за маковое зерно, да и думает, что он великий человек!”, “Много ли тебя в земле-то, а на земле-то немного!” (“Воспоминания о М.Н. Загоскине”). Этот же мемуарист отмечал привычку Загоскина французские выражения переводить русскими поговорками: «Напри-

мер, скажет громко: “Cela ne vaut pas un verre d’eau fraîche” [“Это не стоит стакана холодной воды” (фр.)] и тут же прибавит по-русски: “то есть, выеденного яйца не стоит”» (Там же).

Вообще в художественной речи Загоскина пословицы и поговорки достаточно часты, например в очерке “Дураки”: “...в людях не тому почет, кто велик телом, да мал делом, дюж и дороден, да ни на что не пригоден, а тому, кто и мал, да удал и хоть собой невзрачен, да на все удачен. Мал золотник, да дорог, велика Федора, да дура”.

Часто автором подчеркивалась национальная принадлежность пословицы: «“В семье не без урода”, гласит русская пословица»; «Мы забыли русскую пословицу: “Первую песенку зардевшись спеть”»; “по русской пословице, в мутной воде рыбу ловить”; «сбывается русская пословица: “Куда конь с копытом, туда и рак с клешней”»; «“Свой своему поневоле брат!” – говорит русская пословица»; «русская пословица или народная поговорка: “Не раскуся ореха, о зерне не толкуй”».

Количество использованных пословиц так велико, что можно было бы составить специальный словарь идиом по текстам М.Н. Загоскина. В доказательство добавим еще несколько выразительных примеров: *Пьян как стелька, По Сеньке шапка, по седоку извозчик, Кинь хлеб-соль назад – будет впереди!, Слишком понагрузился, сиречь хлебнул через край, Не скоро, да здорово, Вора помиловать – доброго погубить.*

Вероятно, по тем же причинам так естественны в текстах Загоскина просторечные слова и выражения, по поводу употребления которых приведем несколько его замечаний: “Мы привыкли уже называть ванькою каждого крестьянина, который зимой приезжает из деревни извозничать в Москве”. У Даля: “**Ванька** м. *птрб. мскв.* зимний легковой извозчик на крестьянской лошаденке и с плохой упряжкой, который не стоит на бирже, а стережет ездовых по улицам” (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. I).

Следующее замечание касается слова *переругиваться*: “... вы услышите, как они *переругиваются* меж собою, извините, это выражение не слишком благородно, но другого я никак придумать не могу”; “В древние времена мы справляли *тризну* по усопшим; в наше время простой народ пьет вино и гуляет на *поминках* почти так же, как на свадебном пиру”.

Рассмотрим еще пример на ту же тему из “Неравного брака” (1817): “Мода и обычай изгнали из языка нашего много таких слов, которые в некоторых случаях бывают необходимы; например, слово *колымага* могло бы дать совершенное понятие о дорожном экипаже Славянобского; но кто не побоялся бы на моем месте, употребляя оное, подвергнуться колким насмешкам модных рецензентов, которые назвали бы сие коренное русское слово низким, площадным” (Загоскин М.Н. Избранное. М., 1988).

Внимание литератора привлекло новое значение слова *веревка*, которое комментируется им прямо в тексте очерков: “Через четверть часа попали в веревку, то есть в длинный ряд экипажей, который начинался за полверсты от дома графа”; “До заставы я ехал свободно и попал в веревку, или ряд экипажей, только тогда, когда въехал в широкую просеку”. Кстати, у Даля слово *веревка* в значении “ряд экипажей” не отмечено. А вот как разъясняется новый смысл слов *бездушный* и *малодушный*: “... на дворянских выборах все помещики, у которых нет ста душ, не имеют голосов, и называются, смотря по их состоянию, малодушными или даже вовсе бездушными”.

Обычай речевого этикета, характерные для купеческой среды, зафиксированы в следующем фрагменте: «...случается, что ваша дама промолвится: говоря об одном человеке, употребит множественное число “они” или назовет своего отца тятенькой».

Самым распространенным и пагубным для русской речи явлением наш автор считал моду “парижанить”. Вот как он описывал ее проявления и динамику во времени: “Этот губернский город, несмотря на свое отдаление от обеих столиц, щеголял всегда своим европейским просвещением, безусловной любовью к *Западу* и, вероятно, был родиной знаменитой госпожи Курдюковой, потому что все жители его чрезвычайно любили говорить разом на двух языках, на плохом русском и на дурном французском”; “Она [княгиня. – Г.С.] любила также иногда пожеманиться и, чтоб казаться интересною, ужасно коверкала русский язык”; “Эта проклятая мода парижанить да вторить во всем французам, словно корни пустила в русскую землю... рабское подражание иностранцам, по крайней мере в словесности, приметно ослабевало, стали появляться сочинения совершенно русские, народные, любовь к чтению русских книг быстро распространялась во всех классах общества”; “Этот *лев* [о приказчике из лавки. – Г.С.] суровской линии изъяснялся с купеческой дочкою на французском диалекте и называл ее попеременно то мадемуазель, то Матреной Карповной... Видно, эта французская дурь выходит из моды, если начала уже пробираться в нижние слои нашего общества”. Кстати, и в рассуждении о слове *мода* Загоскин снова вспоминает Париж, обратим также внимание на семантику слова *мода* в трактовке писателя: “Этот временный обычай, или лучше сказать, минутная прихоть, которую мы называем *модой* и которая почти всегда появлялась в Париже, как заразительная болезнь разливаается по всей Европе”.

Сам автор широко употребляет многие популярные для того времени иноязычные заимствования, особенно касающиеся женской моды, домашнего быта и этикета. Далеко не все эти слова зафиксированы у Даля, например: “Я ... пожал, как следует человеку фашонабельному, руки у дам”; “Любовь Дмитриевна... играла рассеянно своим флеровым эшарпом”; “выплясывают матрадуры... станут тан-

цевать алагрек”. Кстати, танцевальная лексика особенно широко представлена в очерках Загоскина: *экоссез, дансер, на, балансе, па-де-коте, шассе-ан-аван, па-де-ригодон* и т.д.

Интересны случаи фиксации Загоскиным новых реалий и – соответственно – новых наименований, например, из названий транспортных средств: “недавно учрежденные при Московском почтамте почтовые кареты и брики”. У Даля находим: “**Брик**, см. *бриг* и *бричка*. <...> **Бричка**, *брыка* <...> Брик или брык принято как название вновь введенных почтовых крытых, тяжелых повозок” (Даль. Т. I.).

А вот новации в сфере карточных игр: “Люди нетанцующие составили партии; несколько стариков, по прежней привычке, засели в вист, а все другие принялись козырять в преферанс – эту бестолковую, но забавную игру, которая сбила с поля и затейливый бостон, и глубокомысленный вист и завладела, вероятно, надолго всеми ломберными столами Российской империи”; вот еще карточные термины, описанные Загоскиным: *роберт, фоска, леве, онер*.

Кажется, самым нелюбимым иноязычным заимствованием вместе с соответствующей реалией было для Загоскина слово *пальто*: “... в пальто, похожем на широкую юбку с рукавами”; “... накинул на себя какой-то шушун, который французы называют пальто”; “... ты можешь быть в сюртуке, даже в модном пальто-сак, то есть почти в халате”; “безобразное пальто – мешок, который волочится по земле, ... шутовской балахон – пальто”; “долговязый мусью в суконном балахоне... – то есть в пальто”. Близкое по отрицательной оценке толкование слова дается Далем: “весьма неудобное для нас название верхнего платья, мужского и женского, вроде широкого сюртука” (Даль. Т. III.).

Ошибочно утверждать, что Загоскин осуждал любые западные заимствования. Приведем в пример его высказывание о визитных карточках: “Очень жаль, что мы, несмотря на нашу охоту подражать во всем иностранцам, не перейдем у них обычая печатать или писать свои адреса на визитных карточках”. Он указывал на содержательные различия в обычаях и смысловые – в выражениях русских и заимствованных, например: “...затруднительно московским жителям выполнять эту общественную обязанность, название которой не переведено еще на русский язык... Посещать и *делать визиты* вовсе не одно и то же: посещают обыкновенно своих родных, друзей и приятелей, а визиты делают своим знакомым... Мы посещаем людей, которых любим, для того чтоб с ними повидаться, и делаем иногда визиты таким знакомым, с которыми не желали бы часто встречаться и на улице”.

М.Н. Загоскин отмечал также моду на псевдонимы: “– ... вы объявите свое имя?

– Нет, я хочу назваться в моих заметках Бельским. – А, понимаю-с! это нынче в моде-с. Вам угодно быть вот этим... как бишь они называются? – Псевдонимы”.

Писатель заметил ослабление активности в употреблении слова *меланхолия*: "...грусти... нет! ей не о чем грустить. Ну, так и быть скажу: меланхолии – хотя это слово давно уже вышло из моды!"

Но обратимся к более пространным рассуждениям М.Н. Загоскина по поводу иноязычных заимствований. В "Выходе третьем" есть очерк "1. Несколько слов о наших провинциалах", вот пример из него: "Я обратился к мужу и начал ему доказывать, что иностранные слова с русским окончанием можно употреблять только в таком случае, когда в нашем языке не найдется равносильного слова, которое выражало бы ту же самую мысль. – ... И мы также должны усваивать нашему языку только те слова, без которых решительно не можем обойтись. К чему, например, вы называете гостиную – *салоном*; говорите вместо всеобщего – *универсальный*, вместо преувеличения – *экзажерация*, вместо понятия – *концепция*, вместо обеспечения – *гарантия*, вместо раздражения – *ирритация*, вместо посвящения – *инисияция*, вместо принадлежности – *атрибут*, вместо отвлеченный – *абстрактный*, вместо поразительно – *фраппантно*... благодаря успехам просвещения и развитию нашей словесности все эти чужеземные слова, за исключением немногих, исчезли из русского языка; нынче никто не скажет, что он ходил стрелять из *фузеи* или что мы под Малым Ярославцем одержали над французами знаменитую *викторию*. Кто нынче будет уверять кого-нибудь в своем *респекте* и *венерации*? Кому придет в голову *эстимовать* отличный *мерит* своего друга, хвастаться своим *рангом* или сделать *презент* своей *аманте*? Кто в наше время назовет заставу – *барьером*, штык – *бойонетом* и предвещанье – *прогностиком*?.. Мой ученый барин разгневался и назвал меня *ограниченным нуристом*. Вероятно, он занял это вежливое выражение из того же самого журнала, из которого почерпал всю свою премудрость". Три вывода следуют из этого рассуждения: 1) иноязычное слово необходимо при отсутствии русского соответствия; 2) развитие просвещения и отечественной словесности само по себе обеспечит отбор иноязычных заимствований; 3) излишнему притоку заимствований уже в то время способствовала публицистика.

Особое место в размышлениях М.Н. Загоскина занимает помещенное в "Выходе третьем" под номером 5 "Письмо из Арзамаса": оно написано как ответ издателя Б.И. Бельского на письмо своего "старинного приятеля Андрея Яковлевича Миронова", который озадачен новыми иностранными словами, вполне заменяемыми русскими тождесловами: «Конечно, Богдан Ильич, в ученом свете часто создаются новые науки и делаются важные открытия, которым надобно же давать какие-то названия – да неужели их нельзя найти в нашем собственном языке... Вот, например, искусство посредством солнечного света делать верные снимки с лиц человеческих и с разных других предметов французы называют дагерротипом (фу, батюшки! насили

выговорил!). А ведь мы умели же это новое изобретение назвать по-русски – и, воля ваша! слово “светопись” понятнее и вернее французского слова “дагерротип”, которое, как я слышал, ровно ничего не значит». Если иметь в виду, что *дагерротип* произошло от имени изобретателя Дагера (1787–1851), что русское *светопись* лучше соответствует более позднему и устойчивому *фотография*, то придется согласиться, что герой Загоскина прав. Как прав он, и заметив умножение числа научных терминов в эпоху становления многих отраслей русской науки и техники.

Ответ Бельского начинается с изложения его позиции по поводу иноязычных заимствований: “Я ужаснулся, когда окинул взглядом бесконечный список этих исковерканных и перековерканных на русский лад иностранных слов {...} это безобразное полчище *тенденций, консеквенций, субстанций, абстракций, эксплуатаций* {...} почти каждое из них можно перевести буквально на русский язык или по крайней мере заменить русским словом, заключающим в себе тот же самый смысл”.

Далее в дело вступает лексиколог Бельский – Загоскин: “Позвольте мне на первый случай истолковать вам значение только тех слов, которые, как вы сами говорите, более других тревожат ваш любознательный и пытливый ум. Вот эти слова: *тенденция, субстанция, цивилизация, гуманность, юмористика, меркантильная индустрия, ирритация и беллетристика*” (Там же). Итак, задача – “истолковать значение” слов, которые “более других тревожат... любознательный и пытливый ум”. Действительно, выбранные слова относятся к культурным терминам середины XIX века: те или иные реалии, явления набирали популярность в обществе, а общепризнанных наименований они не имели.

Оценим схему анализа слова, избранную М.Н. Загоскиным, на примере разбора первого по списку слова *тенденция*: «*Тенденция* (tendance) – по-русски *наклонность*, а в некоторых случаях – *направление*. Преемники Тредиаковского, вероятно, написали бы: “Тенденция умов совершенно гармонировала с действиями правительства” или “Жители Океании имеют прононсированную тенденцию к воровству”. А русский человек скажет: “*Направление* умов совершенно *согласовалось* с действиями правительства”; “Жители Океании имеют явную *наклонность* к воровству”. Лет около ста тому назад, когда несчастный русский язык напоминал вавилонское столпотворение, слово *тенденция* было неизвестно, но вместо него часто употреблялось слово *пропензия* (propention), которое значит почти то же самое».

Теперь о слове *цивилизация* (civilisation) – производное речение от слова “civil”, то есть вежливый, общежительный: следовательно, “civilisation”, или “цивилизация”, значит одно и то же, что наше *образованность*, а в смысле более обширнейшем – просве-

щение {...} то есть – общежительность, вежливость, науки, искусства, изящные искусства в образ мыслей, сходный с понятиями нашего века». Здесь наш автор опоздал со своими возражениями лет на сто, да и значение слова *цивилизация* в XIX веке по сравнению с XVIII веком обогатилось. Еще в XVIII веке слово было заимствовано из французского в форме *сивилизация*, затем произошло выравнивание по латинско-немецкому типу (Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования. Л., 1972). Во французском языке *civilisation* – суффиксальное производное от *civiliser* “цивилизовать, просвещать” из лат. *civilis* – “учтивый, вежливый; гражданский”, суффиксальное образование от *civis* “гражданин” (Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994).

Придется поправить Загоскина и по поводу слова *гуманность*. Вот его рассуждения об этом слове: «*Гуманность*... в этом слове не всякий француз узнает свое “*humanité*”, тем более что при переделке на русские нравы оно получило смысл гораздо обширнейший. Гуманность можно перевести русским словом *человечность*, то есть способность сочувствовать всему, что составляет истинное достоинство человека, или вообще любовь ко всему человечеству, и, разумеется, в самом высоком значении этого слова. Гуманность заменила у нас другое выражение, которое уже несколько поизносилось, а именно *космополитизм*». Толкование слова *гуманность* у Загоскина очень близко к современному смыслу: “**Гуманность** – любовь, внимание к человеку, уважение человеческой личности; доброе отношение ко всему живому” (Словарь иностранных слов и выражений. М., 2000). Однако, Загоскин не прав относительно переделки этого слова из французского. Оно заимствовано в первой половине XIX века из латинского через немецкое посредство (Шанский Н.М. и др. Указ. соч.), хотя *гуманизм*, *гуманный* были и раньше. Что касается связи *гуманности* с *космополитизмом*, то *космополитизм* не фиксируется “Словарем русского языка XVIII в.”, а слово *космополит* (с 1763 г.) значило “человек, не считающий себя принадлежащим к какой бы то ни было национальности, признающий весь мир своим отечеством” (Словарь русского языка XVIII в. СПб., 1998. Вып. 10). Таким образом, *гуманность* не могло быть семантической заменой “поизносившегося” *космополитизма*. Кстати, далее в тексте сам автор писал: “господа *космополиты*, сиречь – *граждане вселенной*”, но продолжает настаивать, что “*гуманный* человек и космополит почти одно и то же”.

По мнению Загоскина, слово *филантропия* близко по смыслу к слову *гуманность*. «Здесь кстати упомянуть о *филантропии*, близкой родственнице этой модной *гуманности* и заштатного *космополитизма*. Филантропия, – греческое составное слово, которое бог знает почему попало в наш язык {...} У нас есть звучное прекрасное слово

“человеколюбие”, которое и по смыслу, и по составу своему совершенно одно с греческим словом “филантропия”, составленным так же, как русское, из двух слов: “любовь” и “человек” {...} Я согласен, что язык обогащается, когда мы переносим в него слова, заключающие в себе новую мысль или понятие, для которых в нашем языке нет верного и приличного выражения; но если мы свое коренное слово заменяем без всякой нужды совершенно тождественным иностранным словом, то, конечно, вовсе не обогащаем, а разве истощаем и портим свой собственный язык».

По сравнению с порядком анализа ранее рассмотренных слов здесь появляются дополнительные сведения:

1. О родстве слова *филантропия* со словами *гуманность* и *космополитизм*;
2. Об этимологии и морфемной структуре описываемого слова;
3. Указание на язык-посредник и на мотивацию усвоения слова языком-посредником;
4. Сравнение семантики и структуры слова в родном языке и в русском языке;
5. Вывод о целесообразности заимствования на основе сравнения заимствованного и соответствующего исконного русского языка;
6. Общий вывод об условиях отбора заимствований, обогащающих родной язык.

Разбор слова *юмористика* сопровождается комментариями по поводу национальной природы юмора – балагурства: «*Юмористика* – производное речение с английского слова “юмор”, которое, в свою очередь, происходит от французского “humour” {...} Вот что понимают англичане под словом “юмор”, разумеется, в том значении, о котором идет речь. Английский словарь “Royal Dictionary english and french” определяет смысл этого слова следующим образом: “Юмор – свойство воображения, дающее всему оборот забавный, оригинальный и фантастический; особенная способность ума показывать все в *потешном, смешном и шутковском* виде (grotesque)”; {...} Не правда ли, что этих людей зовут у нас *балагурами*? {...} английский юмор и русское балагурство, или веселость, в существе своем одно и то же, и если они выражаются различным образом, так это оттого, что каждый народ имеет свою собственную народную физиономию {...} Впрочем, я вовсе не предлагаю заменить русским словом “балагурство” английское слово “юмор”. Пусть оно останется в нашем языке для названия веселости, собственно принадлежащей англичанам. Я замечу только, что производное от него слово юмористика составлено весьма неудачно {...} никому еще не приходило в голову составлять из этих частных достоинств всякого хорошего сочинения какие-нибудь особенные отрасли словесности». Далее в противовес юмористике приводится экспериментальное слово *удалистика* – от *удаль*. Извест-

но, что потенциальные возможности русской словопроизводной системы и метод лингвистического эксперимента уже эксплуатировались в свое время участниками дискуссии сторонников “нового слога” и представителями “Беседы любителей русского слова”. Попутно укажем на одну неточность у Загоскина: *юмор* – англоязычное заимствование (Даль. Т. IV; Словарь русского языка XVIII в. Вып. 4), а *юмористика* может быть соотнесена с немецким *Humoristik* и с французским *humoristique* (Словарь иностранных слов).

Далее наш автор самым кратким образом поясняет следующие слова: “*Ирритация* – по-русски слово от слова: раздражение. *Меркантильная индустрия* также слово от слова: мелочная промышленность”.

Более пространно, в сравнении с выражением *изящная словесность* трактуется слово *беллетристика*: «“Неужели, – спросите вы, – эта бесстыдница, мадам беллетристика, то же самое, что наша чинная барыня, изящная словесность?” Жаль, Андрей Яковлевич, что вы не знаете иностранных языков, а то бы я попросил вас заглянуть во французский академический словарь, и вы увидели бы тогда, что слово “*belles lettres*”, от которого состряпали “беллетристику”, значит все то же, что наше слово “изящная словесность” [...] сочинили еще слово “беллетрист”, которое не может даже похвастаться и своим иноземным происхождением, потому что у французов нет слова “*un homme de belles lettres*”, а есть только “*un homme de lettre*” – по-русски *словесник*, да еще слово “*un homme lettre*”, то есть человек ученый».

Стремление пояснить иноязычное заимствование наблюдается и в других очерках из цикла “Москва и москвичи”: “...по обеим сторонам дивана трельяж, то есть деревянные решетошки, обвитые плющом”; “С каким тактом, или, говоря по-русски, с какой сметливостью обходится она с каждым из своих гостей”; “мы вошли в буфет, то есть в столовую комнату, обставленную кругом прилавками”.

В заключение еще раз отметим, что столь подробной схемы описания слова, как у Загоскина, нет в лексикографических сочинениях и в немногочисленных лексикологических заметках XIX века. Наверное, опыты Загоскина полезно учесть и современным исследователям лексики XIX века. Закончу таким интимным признанием самого М.Н. Загоскина, которое имеет отношение и к русскому языку: “Я хотел, чтоб девица, которой я отдам мою руку, не походила ни на французскую мадемуазель, ни на немецкую фрейлен, ни на английскую мисс, а была бы просто образованная, просвещенная русская барышня, которая любила бы свое отечество, свой язык и даже свои обычаи”.

Вологда